

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИМ

**ОПЕР
КРЫЛОВ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Корецкий, Данил Аркадьевич.
К66 Опер Крылов / Данил Корецкий. — Москва :
Издательство АСТ, 2016. — 416 с. — (Шпионы и
все остальные. Данил Корецкий).
ISBN 978-5-17-092607-7

Следствие зашло в тупик, версии рушатся одна за другой. Работу надо начинать с нуля. На помощь приходит опыт, а порой счастливый случай. Неуловимая банда наполняет ужасом тихий провинциальный городок, оставляя за собой кровавые следы. К трудному и опасному делу подключается легендарный следователь Сизов, не напрасно прозванный «сыскной машиной»... Опытный сотрудник уголовного розыска, он, раскрывая особо опасное преступление, выходит на след преступников, которых несколько лет назадпустил оперуполномоченный Мишуев, «повесив» совершенное ими преступление на случайного человека, который за это получил 12 лет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Корецкий Д.А.
ISBN 978-5-17-092607-7 © ООО «Издательство АСТ», 2016

ВЕДЕТСЯ РОЗЫСК

Сюжет первый

Нож с монетой

Мы сидели в засаде уже шестой час. Пока не стемнело и сквозь щели между бревнами хорошо просматривались все подходы к балагану, можно было разговаривать, и время шло быстрее.

Но опустились сумерки, окружающие поляну деревья слились в черную шелестящую стену, и разговоры пришлось прекратить, чтобы не спугнуть возможных гостей.

В том, что гости будут, никто из нас не сомневался, вопрос в том, дадут ли они нам что-нибудь полезное? Пессимист Ищенко считает, что сидим мы зря. Что ж, может быть. В нашем деле никогда нельзя загодя предугадать результат, поэтому часто приходится делать пустую работу, хотя и эта пустая работа бывает необходимой. Так и сейчас: никто не может гарантировать успеха — наша засада только одно звено в той общегородской операции, которая началась шесть часов назад.

Труп обнаружили после полудня. Был теплый день «бабьего лета», ласково светило солнце, ле-

тали легкие серебристые паутинки, чирикали птицы — словом, налицо весь набор прелестей сентябрьской загородной роши. И резким диссонансом в эту идиллию врезался мертвый человек, лежавший в неестественной позе на мягкой пашне.

Судя по одежде и внешнему виду, это был бродяга — представитель той разношерстной беспаспортной публики, которая стекается в наши края, привлеченная жарким солнцем, богатыми щедрыми базарами, обилием подножного корма, пива и вяленой рыбы, азартным шумом ипподрома и другими прелестями большого южного города.

Все его тело густо покрывали татуировки — тут и мотивы блатного фольклора, и традиционные русалки, голуби, пронзенные сердца, и даже целые картины, исполненные безвестными камерными художниками. Дотошный биограф мог бы проследить по этим синим орнаментам все этапы бурного жизненного пути покойного: ИВС¹, следственные изоляторы, тюрьмы, колонии, пересылки... В свой последний час он, очевидно, использовал весь этот опыт, во всяком случае, судя по взрыхленной земле, сбитым костяшкам пальцев, толстой сучковатой палке, крепко зажатой в руке, дрался он отчаянно.

Подъехала машина городской оперативной группы. Следователь прокуратуры Зайцев обо-

---

¹ ИВС — изолятор временного содержания.

шел вокруг убитого, показывая эксперту ОТО¹ Ивакину объекты съемки.

Зашелкал фотоаппарат. Раз — обзорный снимок местности. Два — общий вид трупа. Три, четыре — голова и лицо, крупный план. Пять — зажатая в руке палка.

— Пожалуйста, доктор, — негромко проговорил Зайцев, когда съемка была окончена.

— Смерть наступила часа два назад, — привычно, не дожидаясь вопросов, сказал судмедэксперт. — Нож с узким клинком, односторонней заточки.

Впрочем, я уже и сам увидел узкую и тонкую, как царапина, рану под левым соском. Она не кровоточила и выглядела гораздо менее злобшей, чем обширные ссадины на лбу и скуле; так, небольшой порез. Но человеку, повидавшему такие ранения, было сразу ясно, что удар пришелся прямо в сердце и смерть наступила мгновенно.

На мою долю выпала неприятная работа — помогать следователю в осмотре, значит, переворачивать труп, обыскивать карманы, осматривать одежду. Занятие долгое, кропотливое и утомительное, никаких явно видимых результатов не дающее, и понятия — парень с девушкой, гулявшие в роще и специально пропущенные через оцепление, — недоумевали, почему это целая группа следственных работников вот уже два

---

¹ ОТО — оперативно-технический отдел.

часа возится над телом погибшего, вместо того чтобы бежать и ловить преступника.

Недоумение непосвященных, в общем-то, понятно: они не знают, что две служебно-розыскные собаки пошли по следам, что роща и вся прилегающая местность прочесываются силами всего райотдела с привлечением дружинников и комсомольцев, что патрулям в городе, на вокзале и в аэропорту дано задание проверять всех подозрительных лиц. А перед группой осмотра стояла более узкая и вполне конкретная задача: найти, выявить и зафиксировать те улики, которые впоследствии, став доказательствами по уголовному делу, помогут изобличить убийцу.

Правда, с уликами было пока, мягко говоря, не густо. Это ясно даже понятому — краем уха я услышал, как он авторитетно шепнул своей спутнице: «Глухое дело. Никаких зацепок. Неизвестно даже, кто убит, так что — ищи ветра в поле».

Зайцев тоже услышал и, коротко взглянув на меня, саркастически усмехнулся: года три назад некто Крылов, тогда еще стажер уголовного розыска, работая с ним в бригаде по аналогичному делу, произнес похожую фразу.

Сейчас меня его усмешка не смутила: в конце концов, все проходят через это чувство беспомощности, ощущение полной бесперспективности расследования при отсутствии доказательственной информации, когда неизвестно, кого, где и как искать, а сам преступник представля-

ется призраком, невидимкой. Теперь, поварившись в котле розыска, я знаю, что в ходе следствия неизбежно будет прорисовываться облик этого «невидимки» и, наконец, материализуется в конкретного человека, реального настолько, что на него можно будет надеть наручники. Вопрос только в том, сколько уйдет на это времени, нервной энергии и сил.

Поскольку документов в карманах убитого не было, пришлось дактилоскопировать труп. Судя по картинной галерее на теле, в насыщенной событиями жизни покойного его пальцы не раз соприкасались с бланком дактокарты, а значит, на наш запрос соответствующее учреждение сообщит необходимые данные о личности и все детали его пестрой биографии.

Осмотр места происшествия подходил к концу, когда начали поступать полезные сведения. К следователю подбежал лейтенант Маркин и доложил: «Нашли рыбака, который видел здесь человека часа два назад. Высокий, рыжий, с рюкзаком. Одет в клетчатую рубашку, на лице ссадина. Шел в сторону дороги. Приметы передали всем постам».

— Допросите его как положено, с протоколом, — распорядился Зайцев, не проявляя никаких эмоций. Действительно, если поблизости от места убийства видели человека со ссадиной, это вовсе не значит, что он и есть преступник. Так, одна из ниточек, версия для отработки.

Следующее сообщение было более интересным: «Найден нож».

Он лежал в густой траве под кустами, в нескольких сотнях метров от места происшествия, без собаки найти бы его, конечно, не удалось. Обычный складной нож, которые продаются в любом хозяйственном магазине, с двумя лезвиями, вилочкой и ключом для бутылок. Крови на нем не было, но причина этого стала понятна, когда в нескольких десятках метров собака отыскала смятые в комок листья с бурыми мазками.

— Пальцев на нем, конечно, не осталось, — сказал Ивакин, подцепив пинцетом нож и опуская его в пластиковый пакет. — Владелец, видно, человек предусмотрительный, хотя и склонен оригинальничать.

Его последних слов мы вначале не поняли, но он протянул пакет, и оказалось, что в одну щечку рукоятки врезана однокопеечная монета.

Труп отправили в морг, оцепление сняли, уехала машина оперативной группы — словом, работа на месте происшествия заканчивалась. Впрочем, как оказалось, не для всех.

— Крылов! — услышал я за спиной и, обернувшись, увидел заместителя начальника отдела Фролова и начальника ОУР¹ Есина. Я сразу же понял, что домой сегодня не попаду. Будет ли это внеплановое дежурство, срочная команди-

---

¹ ОУР — отделение уголовного розыска.

ровка или еще какой-нибудь сюрприз, которыми так богата наша служба, но спокойно поужинать с семьей и лечь спать пораньше мне сегодня не удастся, как, впрочем, не удастся все три года моей работы в розыске.

— Вот что, Крылов, — проговорил Есин. — Тут неподалеку нашли балаган, нечто вроде избышки, туда бродяги ходят ночевать. Надо посидеть там до утра, может, кто-нибудь забредет.

И, заметив мое недоумение, добавил:

— Пока что это единственный способ заполнить хоть какого-нибудь свидетеля. В общем, ты — старший группы.

Балаган стоял на небольшой полянке в глубине лесопарка. Он напоминал хижину на рисунках к книгам Брета Гарта или Генри Лоусона и в лучах заходящего солнца выглядел весьма живописно. Его построили, очевидно, сами бродяги, используя подручные материалы — стволы поваленных сухих деревьев, ветки, сучья, хворост.

Внутри было сумрачно, затхло и неуютно. «Да, наберем мы здесь блох за ночь», — мрачно сказал Ищенко, устраиваясь в углу на импровизированной постели из желтых прелых листьев. Я и Багров промолчали, хотя опасались того же. Впрочем, блох мы не набрали, хотя за шесть часов ожидания были до волдырей искусаны комарами.

Первые гости появились, когда совсем стемнело. Две пошатывающиеся тени сколь-

знули в балаган, наполнили его запахом винного перегара.

— Тихо, милиция! — Багров принял первого, я — второго. Щелкнули наручники. Бродяги не оказали сопротивления, может быть, от неожиданности, а может быть, оттого, что привыкли переносить превратности судьбы, неизменным элементом которой были подобные неприятности с милицией.

В течение следующего часа задержали еще троих, больше в эту ночь никто не появился.

На рассвете пришла машина, и я, сдав задержанных, отправился домой. Это только называлось «отдохнуть»: к двенадцати надо было возвращаться в отдел, и выспаться я, естественно, не успел.

Зато в два часа мы с Багровым уже сидели в пивном баре «Рак» и, потягивая прохладное пиво, размышляли над тем, что в нашей работе имеются и приятные моменты. Впрочем, размышлять можно было не только над этим. За прошедшие сутки накопилось немало исходной информации, которую следовало обработать.

Во-первых, установили личность убитого: Рифат Бақыров, без определенного места жительства и занятий, успевший к своим 35 годам приобрести восемь судимостей. Преступные склонности его отличались постоянством: бродяжничество, тунеядство, мелкие кражи. Много ему за это не давали, и, отсидев год-два, Бақыров

тут же принимался за старое. Последний раз он освободился шесть месяцев назад, где и как провел это время, мы пока не знали.

Зайцев разослал отдельные поручения во все колонии, где Бакыров отбывал наказание, так что через некоторое время поступят подробные сведения о его поведении, контактах, связях, возможных врагах. Словом, отработка личности потерпевшего шла полным ходом.

Сложнее было с подозреваемым. Хотя заключение дактилоскопической экспертизы еще не готово, Ивакин уже сообщил, что пригодных к идентификации отпечатков на ноже не имеется.

Задержанные засадой бродяги ничего об убийстве не знали, и в этом им можно было поверить: в противном случае они унесли бы ноги подальше от этого места. Рассказать толком о других обитателях хижины они не могли: состав ночлежников постоянно обновлялся, приходили и уходили в разное время, зачастую ночью, а главное — все они постоянно были полупьяны.

Посмотрев фото Бакырова, двое ночевавших здесь только второй раз не узнали его, трое старожилков пояснили, что знают Татарина, однако рассказать о нем смогли не очень много. По утрам Бакыров воровал на ближайшем огороде несколько килограммов помидоров и шел на рынок их продавать. Насколько успешной была торговля, никто не знал, но возвращался он обычно сильно пьяным и молча ложился спать. На следу-

ющий день цикл повторялся, правда, изредка он вообще не приходил ночевать. Пьяным вел себя спокойно, драк не затевал, врагов у него не было, впрочем, как и друзей. О себе ничего не рассказывал, знали только, что в городе он встречался с парнем по кличке Баклан и происходили эти встречи в пивбаре «Рак».

Баклана надо было найти, поэтому мы и сидели сейчас на открытой веранде, над которой протягивало к солнцу огромные клешни членистоногое, дававшее название этому заведению.

Если бы я не работал в милиции и посмотрел в приключенческом фильме, как два инспектора потягивают пиво в баре, дожидаясь нужного человека, я бы, наверное, им позавидовал. Сейчас, в реальной жизни, я ничего, кроме раздражения, не испытывал и сидел как на иголках. На сегодня у меня были вызваны четыре свидетеля по грабежу, очевидцы угона автомобиля и два тунеядца, а в связи с незапланированными мероприятиями вся работа шла кувырком. Придется еще раз отрывать людей от дел, некоторые будут возмущаться, и не станешь объяснять каждому, что дело, по которому они вызваны, оттеснено на второй план более неотложными, что преступление заранее не предусмотреть, что всю ночь ты не спал...

— Сваливаем, тут уголовка кого-то пасет, — этот шепот вывел меня из размышлений, и я быстро обернулся. Гражданин Наливайко по клич-

ке Зуб быстро тащил к выходу изрядно пьяного и потому ничего не понимающего Колю Золотушкина. В другое время я бы поинтересовался, почему эти друзья не на работе, и задал бы им много других вопросов, отвечать на которые они не любят, недаром столь поспешно удалились, бросив недопитое пиво. Сейчас я только отметил, что надо будет вызвать их на беседу, и еще подумал, что наша с Багровым потрепанная одежда, кружки с пивом и прочие детали маскировки — все это секрет Полишинеля, ибо местная шпана хорошо знает нас в лицо. Расчет строился только на то, что Баклан и его друзья — залетные и не имеют здесь связей.

Около пяти часов в бар зашла пестрая компания, такая, какую мы и ждали. Вошедшие сразу заставили сдвинутые столики огромным количеством кружек. В пиво добавлялось дегтярно-черное вино из стоявших под столом бутылок, и эта смесь расходилась довольно быстро.

— Иди вызывай машину, — сказал я Багрову. — Все равно их надо будет проверить. А повод есть — распитие спиртного в общественном месте.

Компания вела себя все более шумно, и хотя смысла разговора разобрать было нельзя, судя по отдельным словечкам, беседовали не на светские темы.

— Не матерись, Баклан! Хочешь найти приключений? — донеслось до меня, но кто и кому